
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 316.34/35

ББК 60.54

DOI 10.22394/1682-2358-2023-5-36-44

V.N. Yarskaya-Smirnova, *Doctor of Sciences (Philosophy), Director of the Scientific and Educational Regional Center for Monitoring Research, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov*

S.A. Grigorieva, *Sociologist of the Scientific and Educational Regional Center for Monitoring Research, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov*

THE CULTURE OF AGING IN MODERN TEMPORALITY: SOCIAL SERVICE DISCOURSE

The article explores the socio-gerontological concept of the culture of aging within the framework of temporality as Lifetime, opportunities and obstacles to longevity in modern culture. The third age as a factor in the life of the elderly cohort in the traditions of classical and modern social science is analyzed. It is concluded that modern global population aging is the most important demographic factor and cultural trend, encouraging the scientific community to search for sociocultural positions and social agency in solving the problems of modern society.

Key words and word-combinations: temporality, culture of aging, social service.

В.Н. Ярская-Смирнова, *доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (email: yarskayasmirnovavn@sstu.ru)*

С.А. Григорьева, *социолог Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. (email: grigoreyvasv@mail.ru)*

КУЛЬТУРА СТАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ: ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ

Аннотация. Исследуется социально-геронтологическая концепция культуры старения в рамках темпоральности как времени жизни, возможности и препятствий долголетия в современной культуре. Анализируется третий возраст как фактор жизни пожилой когорты в традициях классической и современной социальной науки. Делается вывод, что современное глобальное старение населения выступает важнейшим демографическим фактором и трендом культуры, побуждая научное сообщество к поиску социокультурных позиций и социальной агентности в решении задач современного сообщества.

Ключевые слова и словосочетания: темпоральность, культура старения, социальное служение.

Культура старения пока еще не стала актуальной проблемой современной социальной теории, хотя значима в повседневной жизни и мировой практике. Это ценности пожилого возраста, которые приписывают разнообразным знакам, предметам, действиям или явлениям, сопровождающим темпоральность старости. Категория активного долголетия [1] не сразу стала предметом широкого научного обсуждения, хотя в профессиональных и политических дискурсах укореняется к концу 1990-х годов. Мадридский план действий ООН по проблемам старения 2002 г. обобщил дискуссии по идеалам плюрализма, независимости, участия, достоинства, заботы, самореализации, ориентирам социальной политики и ключевым правам пожилых людей в социуме [2]. В современной темпоральности меняется качество жизни пожилых людей, они становятся здоровее, образованнее и состоятельнее, нежели были их родители [3, р. 108]. Понятие «активное долголетие» определено в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., национальном проекте «Демография», проекте «Старшее поколение». Несмотря на отставание роста продолжительности жизни, долголетие становится ресурсом развития общества [4, с. 56]. Появились термины «граждане старшего возраста», «новые старшие», «старшее поколение»; особые понятия характеризуют старение с позиций успешной и полноценной жизни: активная старость, долголетие, благополучное и отложенное старение, ресурсный потенциал.

Концепция культуры старения применяет концептуальный аппарат активного долголетия в российских условиях, волонтерскую просоциальную деятельность, теоретический арсенал концепций социальной работы и социального темпорализма. Важно отразить противоречия между образом активного долголетия в публичной сфере и нарративной идентичностью пожилых субъектов в просоциальной деятельности с акцентом на субъективное благополучие. Время старения оказывается важным фактором качества жизни пожилой когорты и показателем долголетия в дискурсе категории культуры старения. Переосмысление времени старения связано с приданием ему статуса социокультурной ценности в публикациях и междисциплинарных зонах как объекту изучения взаимодействия социальной геронтологии с социологией, теорией социальной работы, демографией, историей, медициной. Все это позволяет разработать новую объяснительную модель, демонстрирующую эвристический потенциал темпоральной рефлексии качества долголетия. Культура старения выступает как комплексная концепция в семантике социальной темпоральности, социальной политики и социальной работы.

Раскрытие социально-геронтологического дисплея впервые в российской академической науке осуществили представители Саратовской научной школы социологии и социальной работы. На смену отношения к пожилым людям как объекту помощи и доживающим век пассивным благополучателям приходит установка на инклюзивную культуру, активное участие в социальных взаимодействиях, сообществах, преимущественности знаний и ценностей. С 2019 г. в России произошло повышение пенсионного возраста, такая тенденция характерна и для других стран. Это затрагивает вопросы социального неравенства, дискриминации, доступности индивидуализированных форм поддержки, муниципальных и негосударственных социальных сервисов. Активное долголетие структурировано неравными условиями жизни, доступности социально значимых благ, разнообразием потребностей и возможностей их удовлетворения [5, с. 187]. В широком аспекте категория культуры старения пересекается с проблематикой исключения, контроля и заботы, обнажая острые вопросы теории и практики.

Использование понятия активного долголетия свидетельствует о ресурсах социального благополучия пожилых россиян, включения в волонтерство, социальную активность, спорт, дополнительное образование, интернет-коммуникации [6, р. 69]. Качество и смысловое наполнение сложившейся культуры долголетия, с одной стороны, зависят от образа жизни, культурной среды, политики повышения качества жизни пожилых [7, с. 27], а с другой — эйджизма и стереотипов нормативного старения [8, р. 26]. Целесообразно ставить вопросы по выявлению взаимосвязей старения населения и кризисов общества [9, с. 28], отхода от социокультурной парадигмы старения как симптома отмирания целого, роли старшего возраста в контексте бремени и зависимости.

В понимании старости фиксируется переломный момент: от восприятия старения как темпорального периода жизни с утратами, лишениями, главенством медицинских интенций, эйджизмом — к осмыслению старения как определенной возрастной стадии социализации и культуры. В связи с отсутствием необходимых навыков использования новых информационных технологий как преодоления барьера включения пожилых в сообщество предлагаются специальные обучающие и образовательные проекты в контексте сокращения межпоколенческой дистанции [10, с. 56]. Как фактор повышения культуры старения отмечают рост активности старшего поколения [11, с. 78], волонтерство [12, с. 59], вместе с тем и господство мифов о старении [13, с. 217], неравенство доступа к социальным ресурсам и программам культуры, здравоохранения, социальным услугам, рынку труда, что варьируется во времени и пространстве, от региона к региону [14, с. 127].

Актуальны вопросы новых рисков социального исключения, депривации, уязвимости, эйджизма [15, р. 144], с одной стороны, и появление востребованных форм совладания, сплоченности и взаимопомощи, с другой. Тренды современной культуры старения — получение образования в третьем возрасте, активное использование цифровых технологий, забота о здоровье, социальная активность, участие в культурной жизни, продление трудовой деятельности, волонтерство. Социальный конструкт долголетия как принципиально новая темпоральная перспектива действий через временные практики организационных акторов [16, р. 684] предопределяет пересмотр представлений о старении и роли пожилых в жизни общества. Нетрадиционная категория культуры старения обнаруживает конкурирующие временные порядки в социальных сервисах и политике времени [17, р. 245].

Научные экспликации социокультурного геронтологического дисплея социально-геронтологического статуса темпоральности старения осуществлены в исследовании М.Э. Елютиной, которая обозначила мир старости как форму социокультурного текста. Актуальность темы определялась необходимостью теоретического развития и методологической разработки подходов к осмыслению социокультурных проблем старости. Новый ракурс изучения темпорального периода старения оказался связан не только с фиксацией стадии общедемографического старения, но также изменением социальных и возрастных приоритетов, неопределенностью старости в шкале социокультурных ценностей. Авторитарная модель отношения к пожилым гражданам существовала вопреки здравому смыслу и взаимной выгоде представителей поколений. Социокультурная интерпретация старости способствовала рациональному освоению альтернативных поведенческих вариантов в геронтологическом реестре, позволяя снизить напряжение ситуации неопределенности. Обозначен аксиологический поворот к старости, проблематике назначения, смысла, целей и средств жизнеосуществления на финальном этапе жизни [18]. Представляя проблему старения как новый социальный феномен, М.Э. Елютина осуществила исторический обзор эволюции этого явления в культуре и социальной жизни: старость как значительный этап индивидуального развития стала индикатором процессов макроструктурного уровня, концептом социальной политики. Наука приходит к необходимой междисциплинарности и взаимной дополнительности биологического, психологического и социального подходов к культуре старения. В придании старости статуса социокультурной ценности в силу жизненного опыта, преемственности, социальной стабильности исследования приобретают сравнительно-исторический характер; публикуются документы и материалы ООН, на-

циональные доклады, статистика. Привлечение концепций социальной идентичности (D. Abrams, M.A. Hogg, М.М. Бахтин, П. Бергер, Ч. Кули, Дж.Г. Мид, В.А. Ядов) позволяет выйти на новый уровень рефлексии геронтологических идентификационных стратегий.

Дальнейшее методологическое развитие социокультурной концепции старости в темпоральной теории культуры старения по-прежнему актуально для понимания старости как целостного феномена в единстве природных, социальных и личностных факторов в российском контексте. Важнейшие аспекты изучения старости оставались объектом внимания Саратовской школы социологии и социальной работы в течение последних десятилетий. Идея социального конструирования старости в современном обществе рассматривается в работах Э.Е. Чекановой [19]. По ее мнению, значительная часть пожилых людей воспроизводит стереотипную позицию близких, знакомых в вопросе, который касается их дальнейшей самореализации, образования. Отсутствие ситуации образовательного выбора, то есть потенциальных условий реализации возможностей, ориентаций, структурные ограничения преобладают в российской реальности, и пожилые люди ориентированы на возможность поддержки инициативными лицами более молодого возраста.

Э.К. Наберушкина, яркий представитель Саратовской школы социологии и социальной работы, разрабатывая проблематику социологии инвалидности, пришла к выводу, что геронтологический подход к анализу мобильного гражданства обусловлен не столько рисками инвалидизации с возрастом, сколько существенным изменением демографической картины и межпоколенческих отношений в российском обществе и семье [20]. Разного рода дискриминация, связанная с возрастом, формирует негативный образ старости, отождествляя ее с экономическим и социальным бременем; выражается в непригодной городской среде, обрекающей большинство пожилых людей становиться обузой. В этом ключе подтверждается актуальность инклюзивного дизайна для решения социально значимых задач: продления активного долголетия; сокращения социальных дистанций между поколениями и социальными стратами; превенции жестокого обращения в семье; модернизации системы социальной защиты.

Представители Саратовской школы социологии и социальной работы (Н. Бексаева, Т. Смирнова, А. Смолькин, С. Григорьев) показали, что внутренними ресурсами пожилых людей для участия в волонтерской деятельности выступают время, культура, опыт работы, знания, желание помогать. Основу ресурсов и мотивов, побуждающих старшее поколение участвовать в добровольческой деятельности, составляют

потребность в эффективном общении, полезности, новых знаниях и социальных ролях [21, с. 84].

Профессор З.М. Саралиева, возглавляющая социологическую школу Нижегородского университета, исследуя аспекты социальной работы, связанные с семьей пожилого человека, его активной роли в общественной жизни [22, с. 77–83], отмечает, что первостепенным в облике пожилого становится не физическое самочувствие, а субъективное ощущение социального здоровья, образование, обучение, межпоколенческое взаимодействие.

И.А. Григорьева, руководитель Санкт-Петербургской научной школы, разрабатывая концепцию отложенного старения, обозначила основные моменты перехода к пожилому возрасту в процессе активного старения и долголетия, в частности, с использованием потенциала цифровых технологий в реализации волонтерских функций пожилых [23]. Исследовательские задачи реконструировали репертуар и смыслы социальной активности пожилых, учитывая терапевтический характер коммуникации, общения и встреч [24, с. 239]. Смыслы, которые вкладывают пожилые люди в волонтерскую активность и собственные роли, сугубо индивидуальны и значимы как гражданское участие на уровне локальных сообществ.

Обзор научных исследований подтверждает неполное соответствие мер, предпринимаемых по декларируемым целям социальной политики в отношении людей старшего поколения. Об этом свидетельствуют повышение пенсионного возраста на фоне практического отсутствия роста продолжительности жизни, «оптимизация» сети образовательных, социальных и медицинских учреждений вопреки растущей потребности. Официальная политика не всегда в должной мере учитывает темпоральные паттерны социально уязвимых групп, поэтому анализ темпоральности жизненного пути направлен на выявление инструментов формирования более высокого уровня справедливости, смягчения социального неравенства, достижения устойчивости и сплоченности. Темпоральный подход важен в исследовании проблемных аспектов социальной работы с пожилыми людьми, приоритетов активного долголетия. Важнейшим условием увеличения продолжительности жизни в старшем возрасте становится активная жизненная позиция.

Понятия культуры детства, взросления, семейных культур традиционно погружаются в научный дискурс, тогда как культура старения еще не стала инструментом фундаментального и прикладного анализа. Социальное участие пожилых активистов выступает способом организации свободного времени, повышения качества жизни, самореализации, позволяя сохранять и повышать утраченный в процессе старения

статус, социальную субъектность, включенность в социальные отношения. Расшифровка времени помогает увеличивать возможности, преодолевать эксклюзию, возрастные и структурные неравенства, стереотипы зависимой старости.

В многоликом образе культуры старения отражен широкий спектр взглядов, разнообразие культур и традиций. Культура старения как теоретическая метафора темпоральности позволяет охватить систему культурных дискурсов, повседневных практик, институциональных форматов. Отношение ко времени старшего поколения — важнейший элемент культуры старения как системы социокультурных образов в сложных и противоречивых условиях социального времени. В рамках возрастной культуры осваиваются и воспроизводятся специфические ценности, формы общения, модели темпорального поведения. В таком подходе обосновываются и применяются познавательные возможности темпорального поворота в исследованиях долголетия. Старение, долголетие, пожилой возраст — понятия, наполненные разнообразными социальными, психологическими, культурными, политическими смыслами личного и исторического времени. Темпоральность старения — характеристика социокультурной динамики, темпорализм старости — эмпирическое или теоретическое описание учений, концепций, содержания проблемы пожилого возраста конкретной эпохи, культурно-исторической и персональной, возрастной и субъективной окрашенности парадигмы. С возникновением новых рисков социального исключения, депривации, уязвимости и эйджизма одновременно появляется и потенциал разнообразных форм инклюзии, сплоченности и взаимопомощи.

Представление о социальной культуре старения как современной парадигме научного знания, фрейме ценностно-символических, институциональных практик в контексте демографических процессов и дискурсах возраста, качества жизни, активного долголетия оказывается достаточно новым. «Серебряное волонтерство» помогает людям старшего возраста обретать устойчивую позитивную самоидентификацию, сохранять активный образ жизни, реализовывать стремление помогать маломобильным и уязвимым категориям. Подобный подход предполагает обращение к знаниям, информационным технологиям и прямое отношение к качеству темпоральности активной жизни третьего возраста в измерениях физического, психологического, эмоционального и социального здоровья с учетом субъективного восприятия благополучия и возможностей самореализации.

Сегодня формируется социальная культура старения, включающая особую систему человеческих взаимоотношений, ценностей и норм, ощущение социальной значимости, востребованности жизненного

опыта в контексте традиций, социальной политики и отношения общества к пожилым людям. В этой парадигме «серебряное волонтерство» — это инклюзивная агентность возраста в стремлении улучшить качество жизни всей когорты. Темпоральность здесь является полезной оптикой исследования — когда, почему происходит пересмотр приоритетов и практических механизмов в решении социальных проблем.

Социокультурный анализ старости позволяет рассматривать ее как ресурс развития и нацеливает общественные и государственные структуры оперативно откликаться на культурные запросы пожилых людей, открывая новые возможности образовательных программ по социальным дисциплинам. Кроме аналитической и научной значимости, такие результаты полезны для совершенствования социальной работы, а в образовательном процессе — учебных дисциплин по практической социальной работе, методов социологических исследований. Фундаментально новым результатом выступает разработка пока слабо артикулируемой концепции культуры старения в связи с категориями темпоральности, социальной инклюзии, мобильности, представленности жизненных смыслов как социального служения.

Библиографический список

1. Active Ageing Index 2012 Concept, Methodology and Final Results / A. Zaidi., K. Gasior, M.M. Hofmarche [and all.]. URL: <https://www.semanticscholar.org>
2. Madrid International Plan of Action on Ageing and its Regional Implementation Strategy (MIPAA/RIS). N.Y.: United Nations, 2002. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/114496-madrid-international-plan-of-action-on-ageing-mipaa-and-the-regional-implementation-strategy->
3. Grendell R. The Upside of Aging: How Long Life is Changing the World of Health, Work, Innovation, Policy and Purpose // *Anthropology & Aging*. 2015. № 36 (1).
4. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80: доклад к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и [др.]; науч. ред. Л.М. Гохберг; НИУ ВШЭ. М., 2019.
5. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. № 12 (2). С. 187–211.
6. Varlamova M., Sinyavskaya O. Active Ageing Index in Russia: Identifying Determinants for Inequality. *Journal of Population Ageing*. 2021. Vol.14. № 1. P. 69–90
7. Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // *Демографическое обозрение*. 2017. № 3 (4). С. 27–46.
8. Katz Stephen · Calasanti Toni. Critical Perspectives on Successful Aging: does it “Appeal more than it Illuminates?” // *Gerontologist*. 2015. № 55(1). P. 26–33.

9. Камнос А.Д., Чебан А.Г. Возрастная идентичность: вызов концепции активной старости // Клиническая геронтология. 2018. № 9. С. 26–28.
10. Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Теория социальной работы: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
11. Григорьева С.А. Развитие социальной активности граждан старшего поколения в условиях города // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. № 16. С. 78–85.
12. Бодренкова Г.П. Территориальная инфраструктура поддержки добровольчества: международный и российский опыт: методическое пособие. М., 2018.
13. Здравомыслова Е.А., Низамова А. Миры институциональной заботы: совместное проживание и конфликты в пансионате для старшего возраста // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. СПб., 2019. С. 217–251.
14. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Н. Овчарова, Е. Андреева, С. Бирюкова [и др.]; науч. ред. О. Синявская; НИУ ВШЭ. М., 2022.
15. Wister A., Speechley M. COVID-19: Pandemic Risk, Resilience and Possibilities for Aging Research // Can J. Aging. 2020. № 39 (3). P. 344–347.
16. Wanda J. Orlikowski and JoAnne Yates. It's about Time: Temporal Structuring in Organizations. 2002. Vol. 13, № 6. P. 684–700.
17. Colley Helen, Henriksson Lea, Seddon Terri. Competing Time Orders in Human Service Work: Towards a Politics of Time // *Sociological Theory*. № 23 (3). P. 245–272. URL: https://archive.org/details/sim_sociological-theory2005-09233/page/312/mode/2up
18. Елютина М.Э. Социogerонтологические теории // Российский журнал социальной работы. 1997. № 2/6. С. 9–15.
19. Чеканова Э.Е. Социальные процессы старения: структуралистско-конструктивистский анализ. Саратов, 2004.
20. Наберушкина Э.К. Дома-интернаты для престарелых и инвалидов // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2002.
21. Григорьева С.А. Развитие социальной активности граждан старшего поколения в условиях города // Вестник ВолГУ. 2018. Сер. 9, вып. 16. С. 78–84.
22. Старшее поколение в современной семье: материалы международной научно-практической конференции / под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2009.
23. Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 1. P. 5–6.
24. Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 15 (2). С. 239–252.